

ПОЦЕЛУЙ

София

Даже когда все четыре дочери вышли замуж, завели собственные семьи и не могли часто приезжать на другие праздники, они всегда съезжались в родной дом на день рождения отца. Собирались без теперешних мужей, будущих мужей и взятой на дом работы. Это тоже было частью традиции: дочери приезжали домой одни. Отец был убежден, что квартира слишком мала, чтобы вместить их всех. Неужели мужья не обойдутся без его девочек одну ночь?

Мужья и сами не горели желанием навещать родителей жены, а высокомерие тестя их просто раздражало.

— Когда до него дойдет, что вы выросли? Вы спите с нами!

— Бога ради, ему почти семьдесят! — вступались за отца дочери. Они были страстными женщинами, но их преданность тянулась корнями в прошлое, к любимому папе.

И по этой причине каждый ноябрь они на один вечер снова становились папиными дочками. В тесной гостиной, заставленной мрачной громоздкой мебелью из старого дома, где они выросли, они снова становились девочками в маленькой и простой версии мироздания. На пороге разыгрывалась сцена возвращения блудных

дочерей. Отец широко распахивал объятия и приветствовал их на ломаном английском:

— Тут ваш дом, и никогда не забывайте про это.

Внутри вокруг них принималась хлопотать мама, ужасавшаяся их неряшливой одежде, длинным распущенным волосам, усталому виду, нездоровой худобе, тяжелому макияжу и так далее.

После нескольких бокалов вина отец принимался перечислять, что должно быть сделано, если он не доживет до следующего дня рождения.

— Ладно тебе, папи, — ласково увещевали его дочери, словно он собирался на тот свет из скромности, а им требовалось просто уговорить его остаться.

После торта со свечами отец раздавал пухлые, словно набитые чем-то конверты; в них и правда умещалось не меньше нескольких сотен долларов десятками, двадцатками и пятерками. Все купюры были разложены одной стороной вверх, а на верхней, будто тавро владельца, красовалась отцовская подпись. «Почему не чеки?» — позже спрашивали друг друга дочери, сплетничая в спальне и пересчитывая свои деньги, чтобы убедиться, что отец не выказал кому-то особой благосклонности. Нет ли в том, что отец припрятывает такие суммы, чего-то противозаконного? Возможно ли, что он — никто из дочерей в самом деле в это не верил, но столь дерзкие догадки вспыхивали в их головах чудесными маленькими искрами — торгует наркотиками или делает аборт в своем кабинете?

За столом они всегда делали вид, что пытаются вернуть конверты.

— Нет-нет, папи, ведь это твой день рождения.

Отец отвечал, что такого добра у него навалом. Революция на родине провалилась. Большинство его камрадов были убиты или подкуплены. Он сбежал в эту

страну. Теперь каждый сам за себя, и он зарабатывает для своих девочек. Отец никогда не давал своим дочерям деньги в присутствии их мужей.

— Они могут неправильно это истолковать, — однажды заметил он, и, хотя ни одна из дочерей не знала, что конкретно отец имел в виду, все понимали, что тем самым он говорил: «Не приводите ко мне на день рождения своих мужчин».

Однако в этом году, в его семидесятый день рождения, младшей дочери, Софии, захотелось устроить праздник в собственном доме. Тем летом у нее родился сын, и она не хотела путешествовать в ноябре с четырехмесячным младенцем и маленькой дочерью на руках. В то же время из всех дочерей ей особенно не хотелось отсутствовать, потому что только в этом году она помирилась с отцом после того, как шесть лет назад сбежала с будущим мужем. Старик даже целых два раза навестил ее — или, лучше сказать, своего внука. Рождение у Софии сына стало большим событием. Это был первый мальчик, родившийся в семье за два поколения. К тому же младенца собирались назвать в честь деда, Карлосом, а его вторым именем должна была стать девичья фамилия Софии; таким образом, имени деда предстояло сохраниться в этой новой стране, на что старик, окруженный, как он любил шутить, «гаремом из четырех девочек», никогда не надеялся!

Оба своих визита дедушка посвятил бдению над колыбелью, разговаривая с маленьким Карлосом.

— Карл Пятый, Чарльз Диккенс, принц Чарльз, — перечислял он имена знаменитых Чарльзов, чтобы пробудить в мальчике генетические амбиции. — Карл Великий, — воркующим тоном продолжал он, потому что младенец был крупным и ширококостным, со светлым

пушком на бледно-розовой коже и голубыми глазами — точь-в-точь как у его отца-немца. Вся дедушкина карибская нежность к наследнику мужского пола и пристрастие к белокурой северной внешности всплыли на поверхность. Появившаяся в семье хорошая кровь могла противостоять будущим ошибкам кого-то из ее женщин.

— Ты родился здесь, ты можешь быть президентом, — нашептывал младенцу дед. — Ты можешь отправиться на Луну, а к тому времени, когда ты будешь в моем возрасте, может, прямиком на Марс.

Мачистское сюсюканье отца воскресило в Софии давнюю неприязнь. Как возмутительно с его стороны бесконечно крутить эту шарманку, когда рядом стоит его маленькая внучка, наивная и расстроенная тем, что сможет совершить ее младший брат размером не больше ее кукол, и только потому, что он мальчик.

— Останови его, пожалуйста, — попросила София своего мужа.

Среди зятьев Отто считался самым веселым и добродушным. «Вожатый», — поддразнивали его свояченицы. Отто подошел к дедушке. Оба с любовью уставились на новорожденного викинга.

— Ты можешь стать таким же замечательным человеком, как твой отец, — сказал дедушка, впервые сделав комплимент одному из своих зятьев. Теперь Отто точно не собирался связываться со стариком.

— Он прелестный мальчик, правда, папи? — от нежности немецкий акцент Отто стал заметнее. Он хлопнул тестя по спине. Теперь они были друзьями.

Впрочем, несмотря на то что отец помирился с зятем, его отношения с дочерью оставались натянутыми. Когда он приехал в гости, она обняла его на пороге, но он замер и вежливо убрал ее руки.

— Дай мне положить тяжелые сумки, София.

Он никогда, даже когда она жила дома, не называл ее ласковым семейным прозвищем Фифи. У него всегда находились причины для недовольства своей свободомыслящей младшей дочерью, и после ее побега все стало только хуже. «Я не потерплю распутниц в своей семье», — предостерегал он всех своих дочерей. Предупреждения выносились всем сразу, потому что, по его мнению, даже если в каждом отдельном случае проступок совершала только одна из них, небольшие выволочки шли на пользу добропорядочности всех женщин.

Дочерям приходилось мириться с подобным отношением в свободолобивую эпоху. Они выросли в конце шестидесятых. В те дни ношение джинсов и сережек-колец, курение травки и секс с одноклассниками считались политическими акциями против военно-промышленного комплекса. Другое дело — отпор отцу. Даже во взрослом возрасте они понижали голос, упоминая о своих телесных удовольствиях в пределах его слышимости. А ведь все три дочери были образованными женщинами с дипломами на стене!

И только у Софии не было диплома. Она всегда шла собственным путем, хотя и преуменьшала значимость своих решений, называя их случайностями. Высокая, ширококостная, с крупными чертами лица, она считалась самой невзрачной из четырех сестер. Тем не менее, как с удивлением и толикой зависти шутили сестры, именно она «меняла парней как перчатки». Сестры восхищались ею и всегда советовались с ней насчет мужчин. В детстве третья дочь делила с Софией комнату. Ей нравилось наблюдать, как сестра расхаживала по спальне, готовясь ко сну, расчесывалась и закалывала волосы,

а потом забиралась под одеяло так, словно ее там ждали. В темноте от Фифи исходил свежий, здоровый запах чистого тела. Это успокаивало робкую и боязливую третью дочь, которой вечно не везло с парнями. Дыхание сестры в темной комнате заставляло ее чувствовать, что в изножье кровати лежит сильное прирученное животное, готовое ее защитить.

Младшая дочь первой покинула отчий дом. Она влюбилась и бросила университет. Нанялась секретаршей и жила с родителями, потому что отец пригрозил отречься от нее, если та вздумает поселиться одна. Она полетела в отпуск в Колумбию, потому что туда летел очередной ее парень, и, поскольку не могла остаться у него на ночь в Нью-Йорке, отправилась за много тысяч миль, чтобы переспать с ним. В Боготе они обнаружили, что, насладившись запретным плодом, тут же утратили аппетит. И расстались. Впрочем, она тут же познакомилась на улице с каким-то туристом из Германии. За всю свою взрослую жизнь эта девушка не сидела без парня дольше нескольких дней. Они влюбились друг в друга.

По пути домой она выбросила свою диафрагму* в первую же мусорку в аэропорту Кеннеди. Не собиралась рисковать. Но отец почуял неладное. В следующие несколько месяцев он глаз с нее не спускал. При первой же возможности перерыл ящики ее комода «в поисках своих кусачек для ногтей» и нашел пачку любовных писем. Мелкий правильный почерк немца описывал неопишное — на тонких голубых бланках аэрограмм воссоздавались постельные беседы.

— Что это значит? — тряс отец письмами перед ее лицом.

---

* Имеется в виду барьерный метод женской контрацепции.

Четыре сестры болтали, сидя за столом, когда он вошел в комнату, как хлыстом, похлопывая пачкой по ноге. Атласная лента для волос распустилась там, где он развязал ее, а потом снова обмотал письма в безумной попытке обуздать дурное поведение младшей дочери.

— Отдай! — закричала она, кинувшись на него.

Отец вскинул руку с письмами над их головами, подобно статуе Свободы с факелом, но забыл, что младшая дочь одного с ним роста. Она вцепилась в его руку и, силой опустив ее, прижала письма к себе, словно младенца, которого он оторвал от ее груди. Ее ярость казалась скорее биологической, чем романтической.

Оправившись от потрясения, отец снова пришел в ярость.

— Он обесчестил тебя? Вот что я хочу знать. Вы зашли за пальмы? Ты втоптала в грязь мое доброе имя? Вот что я хочу знать! — Обезумев, он выкрикивал в лицо младшей дочери вопрос за вопросом, не давая ей ответить. Он побагровел от бешенства, но ее безучастное лицо — бледная луна цвета слоновой кости, вызывающая такие приливы его гнева, что он почти захлебывался в потоке собственной ярости, — было еще ужаснее.

Обеспокоенные сестры вскочили — двое встали по обе стороны от отца, ласково увещевая его, словно няньки; третья положила ладонь на его поясницу, как делают детям с высокой температурой.

— Будет тебе, папи, остынь. Не нужно так волноваться. Давай поговорим. В конце концов, мы семья.

— Ты шлюха? — допытывался у Софии отец, так близко придвинув к ней лицо, что брызги его слюны покрыли ее щеки.

— Не твое собачье дело! — выпалила она низким, угрожающим голосом, похожим на рычание опасного

животного. — У тебя нет никакого, совершенно никакого права шариться в моих вещах и читать письма! — Слезы брызнули у нее из глаз, ноздри раздувались.

Рот отца открылся, застыв в потрясенном положении цифры ноль. София тихо выпрямилась и вышла из комнаты. Во время своих подростковых истерик она обычно бросалась вон из дома, но через несколько часов, когда природное добродушие брало верх, она возвращалась успокоившейся, с забавными подарками для всей семьи: магнитами на холодильник, игрушечными комочками шерсти с вращающимися глазами.

Однако на сей раз все услышали, как она выдвигает и задвигает ящики комода наверху, переходит от кровати к шкафу и обратно. Удерживаемый тремя дочерьми, отец мерил шагами комнаты вниз, пока другая великая сила в доме аккуратно, словно у нее было все время мира, застегивала и укладывала свою одежду, собирала сумки и, наконец, покинула этот дом навсегда. Она каким-то образом добралась до Германии и убедила своего мужчину на ней жениться. Ей было что бросить в лицо отцу, который так мечтал о президентах и потомках-гениях: немецкое ничтожество оказалось химиком мирового уровня. Но дочь была выше этих мелочных соображений. Ей было плевать, чем Отто зарабатывает на жизнь, когда она объявилась на его пороге и предложила себя.

— Я могу любить тебя не хуже, чем любая другая, — сказала она. — Если ты можешь сделать то же для меня, тогда давай поженимся.

— Заходи, давай поговорим, — якобы сказал Отто.

— Да или нет, — настаивала София. Вот так запросто: снежная ночь, гостя на его пороге, холодный сквозняк сквозь открытую дверь.

— Не мог же я позволить ей окоченеть до смерти, — хвастал впоследствии Отто.

— Черта с два ты не мог!.. — София клала широкую ладонь ему на плечо, и любой мог увидеть, что, должно быть, происходит между ними под покровом ночи.

Медовый месяц они провели в Греции, и София, как любая новобрачная, присылала открытки родителям и сестрам: «Мы отлично проводим время. Жаль, что вы не с нами».

Но отец держался за свою месть. В следующие несколько месяцев никто не смел упоминать имя этой дочери в его присутствии, хотя он постоянно путался, называя их всех Софиями, и быстро поправлялся. Когда у Софии родилась девочка, его жена проявила характер. Он может лелеять свою обиду до гроба, а *она* отправляется в Мичиган (куда перевели Отто), чтобы увидеть свою первую внучку!

В последнюю минуту отец сдался и поехал вместе с ней, хотя с тем же успехом мог бы остаться дома. На протяжении всего визита он был мрачным и молчаливым, вопреки всем стараниям Софии и ее сестер вовлечь его в разговор. Даже полный разрыв был лучше этой демонстративной холодности. Но София не сдавалась. На следующий день рождения старика она объявилась с маленькой дочерью: «Сюрприз!» Состоялось нечто вроде примирения. Сначала отец пытался пожать ее руку. Встретив отпор, он скованно обнял ее и под бдительным взглядом жены взял на руки внучку. С тех пор дочь каждый год приезжала на день рождения отца и со своим женским умением облегчала, штопала и латала задетые чувства. Тем не менее за всем этим по-прежнему скрывалась кровоточащая рана. Отец отказывался переступить порог ее дома. Они почти не разговаривали,

отец отделивался все тем же дежурным тоном, каким обращался к зятьям.

Но сейчас приближался его семидесятый день рождения, и он согласился отметить юбилей в доме Софии. Крещение маленького Карлоса было назначено на утро, а вечером должна была состояться грандиозная вечеринка в честь папи Карлоса. Младшая сестра одержала триумф, собрав на выходные разбросанную по всему Среднему Западу семью. Но настоящим триумфом стало то, что Софии наконец-то удалось включить мужей в состав приглашенных. «Мужья идут, мужья идут!» — шутили сестры. София приписывала эту заслугу маленькому Карлосу. Мальчик открыл дорогу остальным мужчинам в семье.

Однако главным триумфом, которого младшая дочь желала больше всего, было торжественное примирение с отцом. София собиралась закатить старику незабываемый праздник. Она заранее распланировала, что они будут есть, где спать, как развлекаться. Беспрестанно звонила сестрам с каждым пустяком, чтобы узнать их мнение. По большей части они с ней соглашались: музыкальный ансамбль, бумажные колпаки, воздушные шарики, нагрудные значки с надписью: «Лучший папа на свете». Все избыточное, нелепое и полное беззаветной любви непременно должно было ему понравиться. София даже всерьез размышляла над тем, не нанять ли исполнительницу танца живота или девушку, которая бы выпрыгнула из торта. Но третья дочь, после развода ставшая феминисткой, заявила, что считает подобные вульгарные развлечения оскорбительными. Она готова была скинуться только на музыкальный ансамбль, а замужние сестры могут сложиться на девиц втроем, если хотят быть сексистками. С огромным терпением София готовила

выходные, которые угодили бы всем. Будь она проклята, если они не повеселятся в ее доме в честь семидесятилетия старика!

В праздничный вечер семья поужинала рано, до приезда музыкального ансамбля и гостей. Каждая из дочерей произнесла тост за обоих Карлосов. Зятя называли большого Карлоса «папи». Маленький Карлос, напомиавший девочку в длинной белой крестильной сорочке, все время вопил, а его бедная мать, разрывавшаяся между подачей ужина, который она приготовила для всей семьи, и кормлением сына, не знала ни минуты покоя. Телефон не переставал трезвонить, родственники звонили, чтобы поздравить старика. Тосты, подготовленные дочерьми, постоянно прерывались. Но несмотря на это, глаза их отца неоднократно наполнялись слезами, когда его четыре девочки брали слово.

Сегодня он выглядел старым: каждый из прожитых семидесяти лет давал о себе знать. Возможно, его лицо потемнело от избытка вина, но седые волосы, брови и усы казались неестественно белыми. Впрочем, он немного воспрянул духом, получая подарки — технические новинки, книги и безделушки для письменного стола — от своих дочерей, а также адресованные «самому лучшему и любимому папочке на свете» открытки с длинными пожеланиями, каждое из которых старик хотел зачитать вслух.

— Не надо, папи, это же личное! — хором возражали обступившие его дочери, стараясь избежать огласки своих сентиментальных признаний и избавить друг друга от неловкости.

Жена подарила ему золотые часы. Третья дочь пошутила, что с такими подарками обычно отправляют на пенсию, но притихла под сердитым взглядом матери.

Потом были мужские подарки — ремни и визитницы от зятьев.

— Как раз то, что мне нужно, — отец старался быть любезным.

Он сложил подарочные сертификаты и убрал их в карман, чтобы рассмотреть позже. Все зятья знали, что тесть бдительно следит, не проявят ли они равнодушие или корысти. Что до его дочерей, то даже после того, как их тосты были произнесены, подарки открыты и с помощью маленькой внучки убраны подальше, чтобы не мешали, — даже тогда дочери ощущали, что он ожидал чего-то еще, чего ему пока не подарили.

Вечеринка только начиналась, и у них была уйма времени, чтобы сполна одарить его тем, в чем отец нуждался в предстоящем долгом, одиноком году. Прибыл ансамбль — трое мужчин среднего возраста с седыми волосами, зализанными назад изрядным количеством геля и уложенными волнами. «Дэнни и его ребята» прислонили к камину афишу со своим названием. Один из них играл на баяне, другой — на скрипке, а третий, разносторонне одаренный, — на маракасах, треугольнике и при необходимости на барабанах. Они исполняли мелодии из кинофильмов, польку и просто знакомые композиции, которым можно было подпевать; все слащавые песни посвящались «папаше» или «его прелестной супруге». Отцу ансамбль понравился.

— Хороший выбор, — поздравил он Отто.

Вдоволь напившаяся и наевшаяся младшая дочь расшвирипела. Она прищурилась на своего улыбающегося мужа и положила ладонь ему на бедро. Можно подумать, Отто хоть пальцем пошевелил за все те долгие месяцы, когда она планировала этот вечер!

Начали прибывать гости. Многие рассказывали, как заблудились по дороге: темные окраины со множеством дворов и глухих переулков напоминали лабиринты. Неженатые коллеги Отто оглядывали комнату в поисках недавно разведенной сестры, о которой были наслышаны. Но в гостиной не оказалось женщины, чьи красота, остроумие и одаренность соответствовали бы дифирамбам, которые София расточала в адрес третьей по старшинству дочери Гарсиа. Впрочем, большинство этих друзей все равно были наполовину влюблены в Софию и выискивали в переполненной комнате ее одну.

На длинном столе красовался большой шоколадный торт в форме сердца с семьюдесятью одной свечой — лишняя свечка была добавлена на счастье. Внучка и ее тетушки пересчитали шуточные незадуваемые свечи и воткнули их диагонально поперек сердца. Позже они зажгли пылающую, негаснущую стрелу. Рядом с тортом располагался бар, и к полуночи, когда ансамбль снова разразился песней «С днем рождения, папаша!», все уже объелись и обпились.

Весь вечер гости то и дело играли во всевозможные игры. Ансамбль аккомпанировал игре в музыкальные стулья, но вынужден был умолкнуть, когда сломали два стула из столовой. Особенно разошлась третья дочь, вместо стульев садившаяся к мужчинам на колени. Отец сидел молча и осуждающе глядел на происходящее.

Постепенно он все больше замыкался в себе. В окружении дочерей, их мужей и элегантных, эрудированных, речистых друзей отец, казалось, начал осознавать, что он всего лишь старый приживал в их доме, поедающий их жареного ягненка и усложняющий им жизнь. Дочери почти слышали, о чем он думает. Когда-то он заплатил стоматологу, чтобы его девочкам выпрямили зубы,

а в дорогих школах избавили от доминиканского акцента, но теперь отец больше ничего для них не значил. Каждый из присутствующих в этой комнате его переживет, даже придурковатые музыканты из ансамбля, похожие на мальчишек, — подумать только, они пробавляются, исполняя песенки на днях рождения! Разве они когда-нибудь смогут достаточно заработать, чтобы купить своим дочерям нарядную одежду и отправлять их в Европу на лето? Неужели в мире не осталось нормальных мужчин? Все его зятя до единого — просто дети, это он понимал. Даже Отто, знаменитый ученый, всего лишь школьник с карандашиком, занятый делением в столбик. Новоиспеченного зятя он даже жалел: видел, что его волевая вторая дочка сломает ему хребет. Уже сейчас он делает ей массаж спины и бегаёт за сигаретами посреди ночи. Зато о дочерях можно не беспокоиться. Как, впрочем, и о жене. Миловидная и стройная, как девушка, она сидела, застенчиво улыбаясь, когда ей посвящали песню. Он отвел ей восемь, от силы девять месяцев вдовства: потом она найдет кого-то, с кем состарится на полученную после его смерти страховку.

Третья дочь придумала игру, способную расшевелить отца. Взяв одну из мягких детских пеленок, она завязала ему глаза и подвела к стулу в центре комнаты. Женщины заплодировали. Мужчины сели. Отец притворился, будто не понимает, что они затевают.

— Мама, как играть в эту игру?

— Разбейся сам, папочка, — со смехом сказала мать. Она единственная из всей семьи называла его американским именем.

— Готов, папи? — спросила старшая.

— Я идеально готов, — с сильным акцентом ответил он.

— Ладно, тогда угадай, кто это, — сказала старшая. Она всегда была заводилой — так уж повелось у них в семье.

Отец кивнул, вскинув брови. Он взволнованно и слегка испуганно ухватился за сиденье, будто мальчишка в ожидании сложного вопроса, ответ на который ему известен.

Старшая дочь взмахом руки подозвала третью, и та на цыпочках прошла мимо окруживших старика женщин, по-дочернему чмокнув его в щеку.

— Кто это был, папи? — спросила старшая.

Он захихикал от удовольствия и не сразу смог подобрать слова. Слишком много выпил.

— Это была мами, — застенчиво пробормотал он.

— Нет! Неправильно! — хором воскликнули женщины.

— Карла? — назвал он имя старшей, перечисляя своих девочек по старшинству.

— Неправильно! — снова закричали вокруг.

— Сэнди? Йойо?

— Угадал, — ответила третья дочь.

Женщины захлопали, кое-кто сложился пополам от хохота. Давал о себе знать выпитый алкоголь. Старик тоже веселился вовсю.

— Ладно, попробуем еще раз, — снова повела игру старшая. Она приложила указательный палец к губам, обвела всех многозначительным взглядом, тихонько обошла старика и, встав за его спиной, чмокнула его в макушку. Потом на цыпочках вернулась туда, где стояла, и начала говорить.

— Ну и кто это был, папи? — самым невинным тоном спросила она.

— Мами? — его голос звучал беззащитно и звонко от волнения. Потом он снова стал уверенным и глубоким: — Это была мами.

— Меня можешь сразу вычеркнуть, — сказала его жена с дивана, на который в конце концов рухнула в изнеможении.

Ни одну из других женщин в комнате отец так и не угадал. Это было бы неучтиво. Тем более что их странные американские имена было трудно запомнить и сложно выговорить. Впрочем, гости все равно награждали его поцелуями. И всякий раз он повторял имена дочерей:

— Карла? Сэнди? Йойо?

Иногда менял порядок, называя имя третьей дочери первым, а имя старшей — вторым.

София уходила в спальню, чтобы успокоить рыдающего сына, растревоженного этим шумом. Она вернулась в гостиную, застегивая пуговицы на платье, в самый разгар игры.

— О, да вы пустились в разгул! — Она закатила глаза и насмешливо повращала бедрами.

Все мужчины рассмеялись. Подводя к отцу своих подруг, она шепотом велела своей девочке в следующий раз поцеловать дедушку в нос. Женщины по очереди клевали и чмокали старика в лицо. Вторая дочь на мгновение села к нему на колени и поцеловала его под подбородок. Всякий раз, как догадка отца оказывалась неверной, младшая дочь громко смеялась. Вскоре она заметила, что он ни разу не назвал ее имя. Столько трудов, а он даже не включил ее в перечень своих дочерей. Черт его дерит! Но она добьется, чтобы он узнал ее среди остальных!

София быстро устремилась в круг женщин и поцеловала старика в ухо влажным открытым ртом. Она провела языком по его ушной раковине и прикусила мочку. Потом отодвинулась.

— О-ля-ля, — смеясь, сказала старшая. — Кто это был, папи?

Старик не отвечал. Улыбка, не сходявшая с его губ на протяжении всей игры, исчезла. Он встревоженно выпрямился на стуле. Наступила долгая пауза; все наклонилось вперед, ожидая, что старик, как обычно, первым делом неуверенно протянет: «Мами?»

Но этого не случилось. Он резко сорвал с глаз повязку, словно мог подхватить от нее заразу. Пеленка мягко упала возле стула. Его лицо потемнело от стыда за то, что его прилюдно возбудила одна из дочерей. Он переводил взгляд с одной на другую и споткнулся глазами о лицо младшей, на котором застыло потрясающе безучастное выражение, которое он помнил с тех пор, как она вырвала у него из рук свои любовные письма.

— Довольно, — глухим от ярости голосом распорядился он. Его праздник закончился.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

